

ВИКТОР КОНЕЦКИЙ

МОРСКАЯ
СЕРИЯ

ТРЕТИЙ ЛИШНИЙ

Морская серия

Виктор Конецкий

Третий лишний

«Издательство АСТ»

1980–1983

Конецкий В. В.

Третий лишний / В. В. Конецкий — «Издательство АСТ», 1980–1983 — (Морская серия)

ISBN 978-5-17-149648-7

«Третий лишний» – шестая книга в ряду знаменитых путевых заметок Виктора Конецкого. Ее герои совершают рейс во льдах, но на этот раз в местах необычных – в антарктических морях. А кроме того, капитаном корабля и начальником главного героя оказывается прототип одной из предыдущих книг, и отношения между ними развиваются по непредсказуемому сценарию.

ISBN 978-5-17-149648-7

© Конецкий В. В., 1980–1983
© Издательство АСТ, 1980–1983

Содержание

Глава первая	6
Глава вторая	16
Глава третья	24
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Виктор Конецкий

Третий лишний

* * *

Глава первая

22.01.1979.

Срочно заканчиваю медкомиссию, а давление черт знает какое.

Глотнул патентованных таблеток, уломал терапевта, иду к зубному. Перекурить надо перед таким делом. Курю на лестничной площадке с молоденькими морячками и узнаю из их разговоров о смерти Виктора Д. в Антверпене, на судне. Скоропостижно умер. До того трое суток не покидал мостик – туман в Ла-Манше, туман в Шельде, а там ждуть в дрейфе лощманов у шлюзов на течении, и так далее. И вот пришел в Антверпен, лег спать и не проснулся – сердечная недостаточность. Невольно мелькнуло: *"Последний раз в Антверпене"*. Привезли Виктора в Ленинград на его же пароходе. Семья намучилась с похоронами. Морская семья – жена в нашей портовой поликлинике работает зубным врачом. К ней я и направлялся. Приезжала на старик "Челюскинец", когда мы заходили в советские порты – в зимний, штормовой Новороссийск, в зимнюю, заснеженную Керчь. Виктор был старпомом, я – вторым помощником. Он был младше меня лет на семь, но очень опытный торговый моряк, прошел от матроса и боцмана через заочную высшую мореходку. Довольно замкнутый на службе, четко разделял обязанности: в мои дела не лез, но и не помогал мне – новичку – ничем; зато если надо было крепить тяжеловесы, то из промерзших трюмов не вылезал... У него я многому научился: например, негромко говорить по радиотелефону. А вот научиться лазать по штормтрапу, когда одна рука занята портфелем с судовыми документами, а внизу болтается карантинный катер на подходе к Дарданеллам, – такого фокуса я не освоил. Он был крепким и здоровым моряком. Никогда никаких жалоб. И вот тебе!.. Виктор принял капитанство "Челюскинцем", когда я уже перешел на другое судно. Года через два теплоход за старостью лет списали на гвозди. Проводы "Челюскинца" на корабельное кладбище были торжественными. И даже сняли эту церемонию-процедуру в кино, а я потом писал для фильма текст. Виктор тоже попал в картину – он вел судно к последнему причалу.

Есть впечатляющий кадр: капитан стоит на береговом пустыре корабельного кладбища по колено в тоскливых тамошних камышах, на фоне крематорного дыма, клубящегося над "Челюскинцем". Нутро теплохода – дерево, пластик, краску – выжигают, чтобы оставить один металл. На глазах капитана слезы, а был несентиментальный мужчина. И меня жестко иногда прихватывал...

Спустя годы звонит по телефону:

– Слушай, а я только узнал, что ты и есть ты, что это мы с тобой на "Челюскинце" плавали полтора года! Помнишь, ты на Канонерке у меня вахту принимал: в ремонте стояли, и ты пришел? "Я, – говоришь, – плохо английский язык знаю и надеюсь, вы поможете на первых порах с языком". Во, думаю, странный тип пришел грузовым помощником... А знаешь, без рассказов Петьки Ниточкина – ну, по радио услышишь или в журнале наткнешься, – так без них и жизнь иногда была бы какая-то другая... А я и не догадывался все полтора года! Во болван, а? Далекий от книжек болван, да?

Я сказал, чтобы он приезжал сразу, брал такси и приезжал. Он объяснил, что не может: жена ушла и закрыла в квартире, чтобы он не смог нализаться и к ее возвращению выкрасил кухню.

– Кухню выкрашу, – сказал он, – но надерусь прекрасно и под замком. У меня в духовке бутылка спирта запрятана. Уже уполовинил.

Это чувствовалось. Но кухню, наверное, выкрасил отлично, ибо прошел длинную матросскую и боцманскую школу.

Мы так и не увиделись.

Но как-то он еще раз звонил, и мы вспоминали поездку за замечательными аэродинамическими фуражками в Лондоне и как он накачал воды в кормовой трюм "Челюскинца", чтобы притопить винт, а трюмный настил всплыл на болтанке в Средиземном море...

К его жене на осмотр зубов я не пошел. Побоялся напомнить ей по ассоциации живого и молодого мужа в Керчи или Новороссийске...

Вечером тупо смотрю телевизор и думаю, кого попросить поливать цветочки на время моего отсутствия.

Передают сообщение об аварии самолета в Антарктиде. Погибли пилоты, несколько членов штаба САЭ (Советская антарктическая экспедиция), много тяжелораненых. Их вывезли на Новую Зеландию американцы на "Геркулесе" – самолет с почти вертикальным взлетом.

"Антарктида – континент мира". Единственный на планете, где пока еще не было войн и запрещена любая военная деятельность.

Звоню информированным товарищам, выясняю кое-какие подробности. Много фантазий и домыслов. Так всегда бывает, когда авария случилась за десятки тысяч километров от информаторов. Точно одно: начальник экспедиции уцелел, находится в тяжелом состоянии, но эвакуироваться отказался, продолжает руководить работами САЭ.

А мы отходим из Риги со сменой новых зимовщиков 28 января. Долго еще ждать начальнику подмены!..

Не хватит ли мне смертей перед дальней дорогой?

В рейсе исполнится пятьдесят лет. Полувековой рубеж обозначен потерями многих близких людей.

25.01.

Позвонил в Ригу на судно, поговорил со старшим помощником. Пора выезжать.

Январский Ленинград за окном. Сумрачно, зябко, бесснежно и довольно все безнадежно.

Ничего. Через две недели буду в тропиках. Три четверти пути в Антарктиду мною наезжены – Канарские острова, Монтевидео. Дальше – новый мир.

26.01.

Взял в пароходстве выписку из приказа, получил паспорт моряка, зашел в службу мореплавания и тут только узнал, что моим капитаном будет человек, с которым судьба уже сводила и у которого я кое-что взял для героя повести *"Путевые портреты с морским пейзажем"*.

Да и в рассказе о военно-морском симпозиуме он промелькнул.

Свершилось, подумал я. Рано или поздно это должно было грянуть. Удивительно только, как это я умудрился столько лет выворачиваться из-под карающей руки судьбы: не сталкиваться в тесном и узком судовом пространстве с прототипами.

Но еще теплится слабая надежда, что Юра повесть не читал и о ней не слышал. Очень слабая надежда, ибо флот – огромная коммунальная кухня, где все про всех все знают.

Однако смогло же получиться так, что никто из экипажа "Фоминска" не знал о международном судебном процессе после аварийного столкновения в проливе Пэssidж. Не хочет капитан Ямкин вспоминать эту историю лишний раз. И я честно воздержался в повести от соблазна ее рассказать, а какой материал был в руках!

Нынче беру с собой в море книгу Михаила Михайловича Сомова "На куполах земли" – попросили написать рецензию. Книга посмертная, дневниково-документальная, без претензий на художественность.

Книги людей действия – Кренкеля, академика Федорова, Сомова – не хранят в себе никаких тайн. Характерно еще, что люди поступков, крупных земных дел, бывальцы, бывалые, то есть искусившиеся, тертые, кому не в диковинку то, о чем идет речь, никогда не пишут от "мы". Это "мы" часто является обязательным для авторов теоретических трудов. А ведь за этим "мы" думаем", "мы полагаем" не скромность стоит, а, простите, боязнь личной ответственности... Когда же читаешь книги бывальцев, конечно, видишь, что авторы тоже каждую секунду разду-

мывают и даже несколько болезненно-навязчиво мучаются тем, чтобы описания уверенности в себе, решительности не показались читателю самохвальством или неделикатностью. Но ведь они так же и в жизни контролировали себя: чтобы не оскорбить своею властью подчиненных людей, чтобы всегда сохранять деликатность даже при необходимой резкости и грубости слов и поступков, а такое обязательно случается в полярно-морской работе.

27.01.

Поезд пришел в Ригу в 08.58.

Очень далеко тащиться к такси. Не хватает носильщиков.

Мела слабая метель.

На судне обрадовала каюта – двухместная первого класса на меня одного.

Чемодан поднес матрос, которому далеко за пятьдесят. Первый раз вижу такого старого матроса. Он делает последние рейсы перед пенсией.

Надо идти представляться капитану. Чувствую себя попом, который тащится к Балде за шалабаном. Да, за все на этом свете надо платить. За литературу – втридорога.

Вообще-то морские товарищи относятся к моим писаниям о них снисходительно. А когда им надо подмазать больничную врачиху чем-нибудь нетрафаретным (не коробкой конфет), то звонят и говорят: "Лежу с язвой (инфарктом), моей язве нужен твой букварь с автографом..."

Дверь в капитанскую каюту была открыта. Юры не было. Я вошел в холл и сел на диванчик.

Обстановка стандартно-шикарно-казенно-безличная. На столах ни одной бумажки, полированное дерево, чехлы на мебели. В книжном шкафу за зеркальными стеклами БСЭ, справочники, собрания сочинений классиков марксизма-ленинизма, специальная литература.

Удивила литография картины Бернара Бюффе "Голова клоуна". Французская литография – сразу и не отличишь от подлинника, в натуральную величину, заметна сама фактура живописи.

Смесь иронии и грусти в глазах. Грубо раскрашенное лицо – алый треугольник носа, розовый четырехугольник рта, зеленый парик, серая тощая и длинная шея.

Вошел Юра. Мы не виделись шесть лет. Он совсем не постарел. Законсервировался. Я встал. Он хлопнул дверью. Обменялись рукопожатием.

– Какого черта ты похоронил меня при жизни? – спросил он и сел за стол.

– Я хоронил не тебя, а литературного героя.

– Меня, честно скажу, коробит от твоих последних произведений. И я не хочу, чтобы в экипаже догадывались о наших прошлых отношениях. Никто не должен знать, что ты описал меня.

– Там намешано черт знает что и кто.

– Это, так сказать, понятно. Но если меня угадают хотя бы в одном эпизоде, то припишут мне и все твои выдумки. И ничего-то тогда людям не объяснишь... По твоей милости "стало быть" на дурацкое "так сказать" сменил.

– Прости. Так уж получилось.

– А с моим самоубийством что? Там получается, капитан самоубийством кончил! Подлый какой-то намек, что я на такую глупость способен. И еще я из мелкокалиберки застрелился! Тебе, как прошлому вояке, вовсе непростительно: мелкие вши бывают, а винтовки малокалиберные. Думаешь, приятно читать про себя такую чушь?

– Ерунда все это, Юра, – сказал я без большой уверенности. – Во-первых, никто тебя в Ямкине пока не узнал. Никто мне об этом не говорил, потому что я от тебя взял самые малюсенькие шматки. В литературе иначе не бывает. А тебе просто не повезло, что старый приятель – сочинитель. Во-вторых, за мелкий калибр я уже двадцать писем от читателей получил и стыдом умылся, хотя тут другой дядя виноват. И, в-третьих, если бы ты знал, чего мне стоило удержаться и не написать про твои приключения в Канаде, то...

– Никто меня не узнает? А Галина что? Рыжая? Она-то узнала сразу!

– С ней я сам поговорю и все объясню.

– Сможешь сделать это сегодня вечером. Теперь о делах. Тыкать меня на мостике, уверен, и сам не станешь. Надеюсь, по имени тоже звать не будешь: не мальчишки.

– Прости. Очень уж я не умею осознавать возраст, и свой, и одногодков. Это типично для нашего поколения...

– Да, ты писал об этом. Теперь. Старпом молод, толков, энергичен, давно на пассажире, судовые дела знает и ведет без натуги. Тебе вмешиваться не надо. Подстрахуешь на мостике, когда сам найдешь нужным: я знаю – чистым бездельником плавать с ума сойдешь. Ходовая рубка тесновата. Да еще наставника мне посадили. Знаком с Диомидовым?

– Лично нет. Знаю, что он долго работал на берегу в Гонконге, а идет в Антарктиду, вероятно, для того, чтобы мозги проветрить, подработать.

– Я тоже хотел бы поработать за границей. И я был капитаном-наставником и ходил в рейсы, чтобы мозги проветрить, как ты, так сказать, выражаешься.

– Насколько я знаю, ты ходил на заработки не наставником, а подменял обыкновенных капитанов.

– Ты против наставников?

– Только дурак может быть против старого, опытного, мудрого, доброго наставника. Вероятно, из-за того, что я никогда даже не видел ни одного своего дедушки, я мечтаю о таком наставнике всю жизнь. Вы поделите время на мостике?

– Он будет стоять со вторым. Старпом стоит сам. Это я про лед. Да. О месте в кают-компании. Свободных за столом старшего комсостава нет. Придется тебе изучать директора ресторана, пожарного помощника и третьего штурмана. Поближе, так сказать, к жизни. Не возражаешь?

– Но проблем. После обеда на берег можно?

– Бога ради!

В этом "бога ради", пожалуй, было уж слишком от "убирался бы ты отсюда вообще к чертям собачьим!". И я бы убрался, кабы это было возможно. В конце концов я знаю Юрия Ивановича Ямкина шапочно, хотя мы и знакомы четверть века и хотя нас связывали особые узы. От него можно ждать любой неожиданности. Ведь и на "Фоминске" мы с ним месяцами не пили вместе чай – не чаевничали по вечерам в каюте, а это много значит.

– Говори честно. В "мелкокалиберке" ты сам виноват или другой дядя?

Вот черт! Какая проницательность вырабатывается в человеке, если познакомились в черной полынье Карского моря, когда суда сошлись борт к борту на четверть часика... Четверть века назад. Или мы на офицерских сборах познакомились?

– Ну, виноват! Виноват! У каждого заскоки. Вечно путаю "мелко" с "мало". И это не только пушек касается, но и масштабов карт. Доволен?

– Вот так и пиши, стало быть, – назидательно заметил мой капитан.

К счастью, тут явились хроникеры-газетчики. Им хотелось распотрошить и сфотографировать капитана судна, уплывающего к пингвинам. Ни интервью, ни фото у ребят не вышло. Даже не знаю, почему это Юра так серьезно, глубоко окрысился на представителей центральной прессы. Он, конечно, прикрыл раздражение шуточкой, но я-то его шуточки знаю.

– Уважаемые следопыты, – сказал Юра, – благодарю, стало быть, за внимание, но мне паблисити нынче не в жилу. Долой рекламу, известность и популярность. Прошу вас сменить точку.

– Два слова и один щелчок! – взмолились корреспонденты.

– Нет. Объясняю. У меня на берегу долгов много. Денежных, обыкновенных. Я от кредиторов давно бегаю, даже пароходство сменил. Следы, так сказать, заметаю, а вы им мои координаты протрубите.

– А кого вы порекомендуете, кто наиболее достоин?

– Самый старший на борту капитан-наставник. У него нет и не было долгов. Кормовой люкс – пройти по верхней палубе левого борта.

Так ребят и выгнал!

Я выкатился вместе с ними, не признавшись, что мы где-то одной крови. Но кормовой люкс им показал. Когда-то на "Вацлаве Воровском" в этом люксе (суда однопалубные) я сдавал техминимум капитану-наставнику Мурманского пароходства Булкину в рейсе на Джорджес-банку, плел ему разную чушь о детских подтяжках, а потом мы пили отличное пиво и он рассказывал про то, как поступал в высшее учебное заведение и как старые капитаны писали сочинение "Образ Татьяны Лариной". Тогда всех стариков-практиков заставили получать высшее образование, а для этого им, естественно, надо было сперва получить аттестаты зрелости...

Только закончил раскладывать вещи в каюте, является пассажирский помощник. Я думал, он представиться пришел. И действительно, он кое-что о себе рассказал: образование высшее, закончил английское отделение филологического факультета, плавает пятый год. Спортивный парень, хотя и в очках. Выдержанный, вежливый, малословный. Никогда не читал Олдингтона... Чему же филологов в университетах учат? Под финал посещения извинился и сказал, что мне придется переехать в другую каюту – на палубу ниже. Вышла ошибка: моя каюта забронирована для кандидата наук, который едет зимовать на иностранную полярную станцию, везет много специальной аппаратуры и т. д. и т. п. Я спросил, знает ли о перемещении капитан. Да, он знал. Отвратительное дело – переезд в другую каюту, когда только что разложил шмотки. И чем-то унижительно.

Перетащился на палубу ниже, утешаясь тем, что Чехов велел писателям ездить только в третьем классе. Правда, матерый полярник Михаил Михайлович Сомов, Герой Советского Союза, который не бросал лишнего слова ни на ветер, ни даже при полном штиле, отмечает в дневнике: "Начинать переселение, когда только-только начали благоустраиваться, повторить опять все сначала, безусловно, дело нелегкое". Правда, у Сомова дело идет о переносе лагеря СП-2 с одной льдины на другую через трещины и торосы.

Мне немного попроще.

Главное "но" – не первоклассное окно, а обыкновенный иллюминатор. Его в шторм придется задраивать броняшкой. Главный плюс – каюта расположена на задворках империи, глубоко в корме.

Принял душ, побрился, позвонил в Ригу старому приятелю, который ныне держит верхи в исторической романистике, отправляя каждой книгой по сотне академических историков в нокдауны инфарктов и инсультов. Корифей оказался дома. Я вызвал такси к трапу парохода и убыл в надежде весело распрощаться с берегом. Не получилось. У старого приятеля умирает мучительно и медленно жена.

Выпили по махонькой, сказали друг другу избитое: "Ну, держись, старина, не падай духом!.." И я укатил на судно. Вахтенный помощник передал просьбу жены капитана сразу позвонить, когда явлюсь. Звоню Юре, трубку взяла Галя, сказала, что капитан отдыхает, а она сейчас ко мне спустится. Спустилась с бутылкой джина. Ах, не следует перечитывать книги, которые нравились в юности...

В девичестве она носила две косы. Кокетничала, прикладывая кончики кос к верхней губе, – получались гренадерские усы... Пора нервно-диковатого отрочества уходила за корму. Галка начинала окутываться дымовой завесой рождающейся женственности. Нас как-то занесло в Павловск – она, Степан, я. Конечно, была весна. Конечно, она завалила какой-то экзамен, готовилась в Мухинское, твердила, что хочет писать красками по фарфору, глядеть вечно на восходы, закаты; глядеть одной в холодную весеннюю или осеннюю воду, видеть свое отражение, любоваться собой, даже язык на сторону высовывать от радости жизни. И говорила, что любит есть, – все на свете вкусно и прекрасно, но самое замечательное: горячие сосиски или

картошка с селедкой и мороженое. И говорила, что любит петь и чтобы смысла в словах песен не было. И срывала какие-то молодые весенние листочки и травинки, жевала их, восхищалась запахом и нас заставляла жевать листья. И вот тогда я ей придумал имя Веточка. И вот теперь Веточка говорит, что я Чичиков и брожу по свету, откапывая мертвые души себе на потребу.

С этого начала: "Ты – Чичиков! Бродишь по свету, чужие души собираешь! Потому что сам никогда жить не умел! И всего боялся!"

Вероятно, она права, хотя не очень хочется в таком признаваться.

Надо купить японский диктофон. Невозможно восстановить по памяти или имитировать живую речь человека, особенно женскую. Как ни перевоплощайся – обман недоразвитых получается. Где интонация? Где тембр голоса, который такую огромную роль в женской речи играет? Где она и лжет, и своей ложью, сознавая это, самым прямым, указующим перстом наводит тебя на свою истину? Где все это на бумаге? Ложь, ложь, ложь...

– Ты, конечно, ждешь, чтобы я только о твоём писательстве и говорила? Изволь. В первых рассказиках еще что-то было. Но давно уже нет ни свежести, ни лиризма. Смакуешь грязную связь капитана с буфетчицей: седина в бороде – бес в ребро?

– Я видел тебя лет десять назад на Фонтанке, зимой, возле Инженерного замка, – сказал я. – Но не подошел.

– Почему?

– Ноги задрожали. А ты меня не узнала, хотя и взглянула в лицо.

– У меня два внука, – сказала она.

– Я знал только про одного.

– А! – махнула она рукой. – Количество внуков для бабушки уже не имеет значения. Знаешь, я научилась играть в теннис!

Смешно. Стоять в очереди за колбасой, продавать в комиссионке ковры, которые супруг привозит с Канар, и – играть в теннис на дрянном, самодеятельном корте...

– Через год мы будем жить за границей – там настоящие корты. Одной ногой Юра уже в Роттердаме. Только бы задуманное вышло! И не смей ничего писать! Его в этом пароходстве еще ни одна собака не знает, и ты язык за зубами держи!

– Как это не писать?

– Я говорю: не смей здесь ничего писать!

– Как это я могу дать тебе такой зарок? С ума сошла? Я и права не писать не имею. В Антарктиде еще слишком мало было пишущей братии. Да и посылают меня в какой-то неопределенной роли, без четкого статуса на судне, чтобы я отразил подвиги и героизм полярников и моряков...

– Тогда пиши все как есть, а то намешаешь каши... Золотистые колготки уже десять лет никто не носит! Чего же ты их на свою буфетчицу нацепил? Я же ее видела. Специально смотреть ходила. Она сейчас в ресторане "Нева" работает официанткой. Приличная женщина, такая никогда золотистые колготки не натянет! Чушь какая!

– Да нет ее на свете!! – взвыл я. – Нет, не было и не будет!

– Каждый дурак может догадаться. Если ты на "Томске" плавал с Ямкиным, значит – это она, – с предыстерическим дрожанием голосовых связок сказала Галя и пропустила еще порядочную порцию джина.

– Ты же умная, Галя! Неужели понять не можешь? Только тебе, капитанской жене, которая в этом супе варится, приходит в голову такой бред, а для нормальных читателей эта баба – абстракция!

– А черт с вами со всеми! И с Юрием Ивановичем! Плывите, мальчики, плывите, герои Арктики и Антарктики! О, когда я была влюблена, когда любила, думать без ужаса не могла, что опять надо будет отпускать его плавать! Да я Бога молила, чтобы все моря пересохли, все! Ночью проснусь и молю: "Господи, пусть они все высохнут!" Ну а теперь... Ему мужчиной

хочется быть в нынешнем понимании. Лимузин, приемы у посла... Для такого мужчинства он опять плавать на пассажиры пошел: ценз доверия зарабатывает... Пускай плавает. Что я, врать буду? Не буду. И тебе не буду, хотя ты возьмешь да и проорешь на весь белый свет. Правильно он делает... И я хочу на старости лет – у нас, женщин, другая старость, нежели у вас... Да-да, хочу пожить с западным сервисом, хочу коктейли устраивать... Вам-то во всем везет, мужикам! Ты говоришь, случайно, мол, сюда попал и плевать на Антарктиду хочешь. А я другое помню. Ты еще юношей о ней мечтал. Забыл просто. Или врешь. И свершается, что мечтал... Но Юрий Иванович здесь устроит тебе веселую жизнь... После аварии он дал зарок: не читать в море художественной литературы, бросить курить, делать зарядку, изучить еще испанский и итальянский, все время и все силы – судну. А моря после того столкновения не любит. И плавать не хочет. Но... пусть!

И пошла-поехала болтать лишнее. И как это она будет в Голландии коктейли устраивать, если косеет так быстро и в лоскутья?.. Волосы встрепаны, слабенькие уже волосики, а какие косы были! И злоба: прямо ядовитые брызги летят с губ.

– Да-да! Ты хуже Чичикова!..

Отправил ее спать, сам зашел к старпому. Мы, оказывается, уже где-то когда-то встречались. Тезки. Его зовут Виктор Робертович Мышкеев. О себе постоянно говорит в третьем лице: "Старый балтиец Витя Мышкеев хочет спать!", "Старый балтиец Витя Мышкеев хочет пить!", "Подайте шлепанцы старому балтийцу Вите Мышкееву!"

Старому балтийцу едва исполнилось тридцать лет. Рост – ровно два метра. Белокурые усики. Его цветная шикарная фотография – в тропической форме, на крыле мостика, возле пеленгатора – украшает обложку рекламного буклета "Плавайте только на судах советского пассажирского флота! Дешево! Удобно! Безопасно!" При взгляде на безмятежную улыбку, которой улыбается с рекламного буклета Витя Мышкеев, сразу всем делается ясно, что безопасность он обеспечит на сто процентов.

Своего сына называет "мальчик", чем доводит супругу до судорог: "Мальчик провожать меня не пойдет!", "Дайте мальчику перекусить!", "Не мешайте мальчику жить!" Жена орет: "Прекрати! Он тебе не мальчик, он – Сережа!.." Мышкеев: "Тогда скажи мальчику, что он не мальчик, а Сережа".

Давеча Сережа забрался на трубу и уселся на святую нашу эмблему – серп и молот – на головокружительной высоте. Легкая паника. Как пацана с верхотуры доставать?

– Не трогайте мальчика! Просто покажите ему яблоко! – решил старпом. – И он сам слезет.

И точно – слез.

Ночью не спалось, хотя никаких предотъездных эмоций нет и в помине. Просто в каюте было душно. Отдраил иллюминатор. Слушал, как прибывают на судно последние, припоздавшие пассажиры-полярники. Мы везем еще большой отряд строителей. Они будут сооружать на Молодежной взлетно-посадочную полосу для приема тяжелых самолетов. Строители шумели у трапа с рижскими таксистами и громыхали баулами до самого утра.

А я до утра читал Сомова – его "На куполах земли".

Книга начинается со скромности. С того, как автор и не думал об Арктике и Антарктиде. Он "приглядел" для будущих теоретических изысканий Азовское море и собирал материал "по этому маленькому, но, казалось мне, симпатичному морю". И уже симпатично, когда человек говорит о симпатии к маленькому и вовсе не знаменитому морю.

В книгах сильных людей действия есть четкая, без кокетства, спокойная нота осознания – еще при жизни – своего же (!) исполненного долга. Художник же до смертного предела мучается неисполненным, незаконченным, невыплаченным долгом. Это потому, что он одинок в творчестве.

Работа большого ученого-полярника в наше время не одинока ни в духовном, ни в материально-бытовом смысле.

И еще. Балерина не знает, когда сходить со сцены. И даже крупные писатели не знают и теряют контроль над собой. Ученый-землепроходец знает это четко: начали слабеть глаза, задрожала от перенапряжения рука, вылетела из памяти формула длины окружности – стоп, парень – ты не имеешь права продолжать танец, ибо под ногами не сцена, а лед и океан или пустыня, а за тобой не девочки кордебалета – полярная станция, отряд, партия, экспедиция, и от тебя зависит сотня человеческих жизней, а не проваленный спектакль или неудачная книга.

Он мог, будучи начальником СП-2, покинуть новогоднее застолье, чтобы навестить товарища, который должен запускать радиозонд. Прийти к нему с двумя бокалами шампанского, вместе выпить, а потом вдруг привязать бокалы к зонду и слушать, как в вышине тает их звон.

Сомов прошел путь от большой науки к полярно-морскому руководству. Тяжкий для него путь.

Да и смерть, в результате, чаще дышала ему и в лоб и в затылок.

Решением международных организаций акватория у берегов Антарктиды между морем Росса и морем Дюмон-Дюрвиля названа морем Сомова.

Дюмон-Дюрвиль перед уходом в третье кругосветное плавание 7 сентября 1837 года записал в дневник: "В нынешний вторник я попрощался с моей семьей. Дважды я уже проходил через это тяжелое испытание, но в ту пору я был молод, полон сил, надежд, веры в будущее. Нынче я уже стар... и у меня нет никаких иллюзий..."

Ему было всего сорок семь. И отсутствие иллюзий не помешало ему открыть Землю Адели в Антарктиде. Теперь моря Сомова и Дюмон-Дюрвиля соседи и побратимы.

Тоннаж судов Дюрвиля был 380 тонн. Наше судно весит 5600 – в пятнадцать раз больше. И в нашем распоряжении 8000 лошадиных сил, а не обледенелые паруса.

Плавание Дюрвиля продолжалось 38 месяцев. Наше запланировано на четыре.

Дюрвиль погиб пятидесяти лет вместе с женой Аделью и единственным сыном при крушении поезда, который вез их из праздничного Версаля в Париж. Вот же судьба! Трижды обойти земной шар сквозь бури, штормы, штили, льды невредимым и... Правда, прославленный адмирал уже начинал мечтать о таком именно мгновенном конце жизни, ибо болел и начал непоправимо слабеть глазами.

28.01.

Отошли из Риги в 15.00.

На причале сиротились не больше десятка провожающих, а мы увозим на год-полтора двести десять человек.

Галины среди провожающих не было. Юра отправил ее утренним поездом. Когда прощались, сказала мне: "Прости за вчерашнее. Ты, конечно, не Чичиков. Ты – Манилов". При чем тут Манилов-то?

Холодно. По Двине битый лед.

На отходе Витя Мышкеев помахал жене и сыну, стойчески мерзнувшим под бортом, лапой в меховой перчатке, проорал:

– До встречи на баррикадах, родимые! Мальчик, вынь палец из пасти!

Затем старпом поделился со мной горечью, которую навеяла на него разлука:

– Какой замечательный верхолаз у меня растет, а?!

Под этот легкомысленный треп остался за кормой причал Морского вокзала в Риге.

29.01.

Всю ночь шли во льду.

В моей каюте шум ото льда под кормой очень сильный. Но думаю, в Антарктиде буду спать под любой аккомпанемент.

Днем проводится ознакомительная встреча судовой администрации с экспедицией. У меня дурацкое положение: идти или нет?

Юра не пригласил.

И я решил не идти. И сразу возникло ощущение третьего лишнего.

В двадцать один час миновали Дрогден. В канале слабый блинчатый лед.

Отвели на час время.

В 22.30 стали на якорь на внешнем рейде в Копенгагене, приняли с датского катера прожектор и недостающие до комплекта спасательные жилеты.

На катере два датчанина. Оба без шапок, хотя холодище.

Близко видна взлетная полоса копенгагенского аэродрома.

Туман. И огни взлетающих самолетов в таких загадочных ореолах, что понятно делается, откуда берутся летающие тарелки.

Я высказал это соображение при капитане Ямкине и капитане-наставнике. Юра ведет судно в Антарктиду третий раз. И внушительно заметил, что настоящие летающие тазы, суповые миски и дуршлаги мы увидим через месяц у Земли Королевы Мод.

Наставник отмолчался. Он идет в Антарктиду первый раз.

Меня интригует, зачем и почему Юре его подсадили. Хороший дублер был бы куда более кстати в таком рейсе.

Диомидову пятьдесят девять лет.

Сейчас, когда в стране развернулось всеобщее движение наставничества, слово "наставник" сразу вызывает видение потомственного усатого слесаря-сборщика, а рядом с ним тонкошеюго пэтэушника с гаечным ключом за ухом. Потому придется объяснить, что, собственно говоря, почин наставническому движению еще в незапамятные времена положил флот: молодого капитана сопровождал в первых или особо трудных рейсах капитан-наставник. Вывозил его, как в еще более древние времена вывозили на первые балы своих дочек и племянниц дворянские мамы и тети. Но флот дал маху – не вбил заявочный столб на свой древний почин. В результате употреблять ныне слова "капитан-наставник" стало значительно сложнее. Не просвечивает сквозь них былой исключительности, высокой ответственности и, не боюсь этого сказать, особой романтичности.

Юрий Иванович Ямкин сам был наставником в вовсе не старом возрасте – сорока лет – на Дальнем Востоке.

"...Стюардесса сказала, что над Оттавой гроза. Над Ванкувером было чистое небо. Мерцали крупные звезды, и светила луна. Внизу оставались большой порт и небольшой город, и кусок его жизни, быть может, главный в судьбе. Он еще не мог знать, как случившееся обернется в будущем. Он просто смотрел вниз, где оставались судебные дразги, допросы, смесь правды и кривды, подлостей и честностей. Там ложился спать судья Стюарт, ложились спать адвокат Смит и адвокат Стивс, там оставались его новые друзья и враги, судьбы которых переплелись с его судьбой.

Министерский юрист Мослов сразу заснул рядом в кресле – накануне в отеле он допоздна наслаждался оперой на библейские сюжеты по телевизору.

Капитан угадал внизу очертания пролива Пэсидж и увидел, как блеснул под лунным светом узкий изгиб Актив-Пасса – Собачья Нога, мыс Элен, Зеленый Огонь...

Как давно уже все это случилось – "Королева Елизавета" из-за мыса Элен, мягкий удар и первый доклад о смерти новорожденного мальчика. Момент смены вод – слэк...

Он глядел вниз, и казалось, что он смотрит карту. Всю жизнь он смотрел на карту и привык к картам. И сейчас пожалел, что нет карты и нельзя сравнить ее с реальной местностью внизу. Карта была бы более реальной, нежели сама реальность.

Он достал блокнот и включил свет над самолетным столиком.

Следовало закончить докладную записку послу".

Так я хотел когда-то закончить повесть о Юре, если бы он не запретил упоминать о давнем столкновении.

Глава вторая

30.01.

Чем пахнет с моря Дания? По идее, она должна пахнуть Гамлетом. Особенно когда проходишь Эльсинор. Но это не так, ибо от самого датского принца густо пахнет Шекспиром.

С моря Дания пахнет Андерсеном. Во всяком случае, мне так хочется.

В два ночи проходим Скаген.

Ролан Быков по "Маяку" замечательно рассказывал про детское кино. О том, что день для ребенка в сотни раз длилельнее, чем для взрослого.

Встретили танкер "Волхов". Громадина.

Расходились близко.

Прогуливающиеся на палубах пассажиры сгрудились на один борт – всегда интересно с другим судном встретиться в океане. Так как штиль был полный, то получился заметный крен на левый борт. Вес каждого полярника в одежде стандартно принимается за восемьдесят килограммов. Значит, на левый борт переместилось около тридцати тонн. На пассажирском судне и такие нюансы надо учитывать – особенно при швартовке или во льдах.

"Волхов" спрашивает:

– Что за народ везете? Одинаковые какие-то все туристы.

И дам не видно.

Объяснили, что это за туристы.

Всем участникам экспедиции в пути до Антарктиды выдается бесплатное питание:

а) за период пребывания в море из расчета 58 руб. 50 коп. в месяц;

б) за период работы в Антарктиде из расчета 80 руб. в месяц.

Полевое довольствие:

а) за период пребывания в море в месяц 90 руб.;

б) за полные сутки пребывания и работы на материке Антарктиды:

1) на прибрежных станциях – 12 руб.;

2) на внутриконтинентальной станции и в походе (санно-тракторный выезд за 25 км от станции) – 16 руб. 50 коп.

Питание пассажиров в туристическом круизе – 2 руб. 60 коп. в день.

Около полудня прямо по курсу всплыли две норвежские подводные лодки в опасной близости. Маленькие лодки, юркие – сквозанули к английскому берегу.

Взял у артельного ящик чешского пива и две банки мясных консервов. У второго помощника взял двухтомник Конрада. Тошнит от "Лорда Джима".

Получили информацию о случаях пиратства: у побережья Восточной Африки захвачено французское судно, убито восемь человек. Возле Южной Америки захвачено и ограблено судно под флагом США.

"Ознакомительная" финская баня с директором ресторана, заместителем начальника экспедиции и пассажирским администратором.

Сауна замечательная – самодельная, выстроена матросскими руками. За ее посещение иностранным туристам приходится платить валютой.

В рейсе туда допускается только судовая элита. Элита разбита на микрогруппы, которые в бане никогда не смешиваются.

04.02.

Прошли Марокко.

Новое выражение (для меня) употребляется в среде молодых штурманов: "выпал в осадок". Обозначает оно (на английский манер) кучу понятий: перепил и потерял сознание, сильно разозлился, сильно расстроился и т. д. Смешно, когда вжаривают неожиданно.

К рецензии "На куполах земли".

Мать М. М. Сомова была правнучатой племянницей товарища и секунданта Пушкина Константина Данзаса и в молодости занималась литературными переводами.

Понятия не имею, что такое "правнучатая племянница", но действует замечательно. Сразу Михаил Михайлович делается как-то ближе, теплее даже.

Лев Николаевич Толстой не отказывал себе в приятности напомнить, что по родству он четвероюродный племянник Александра Сергеевича...

Начинал учиться М. М. в школе-интернате Путиловского завода.

Когда отрок из интеллигентной семьи попадает в заводскую жизнь – это полезное дело. На весь век пригодится.

06.02.

Прошли Касабланку.

До чего быстро и безошибочно люди на судне чувствуют, что между кем-то (в данном случае мною) и капитаном пробежала кошечка. Первый помощник вывесил стенгазету, где шаржи на весь комсостав. Кроме меня. Это обдуманная акция? Или случайность? Может, это моя мнительность?

Главная внутренняя проблема на судне – тараканы.

В прошлом рейсе скандинавские туристы-хиппи обнаружили в каютах тараканов, но в панику, правда, не впали. Наловили насекомых в спичечные коробки, банки, склянки и устроили тараканьи бега. Мероприятие это они провели в святой святых пассажирского лайнера – музыкальном салоне.

С обеспечением судов химикалиями для уничтожения насекомых получается какая-то ерунда. В хозяйственных магазинах портовых городов полно хлорофоса, но приобретать его можно только по наличному расчету. Однако это запрещено. Мы обязаны снабжаться через службу материально-технического снабжения парохозяйства. А ежели в службе хлорофоса нет, а тараканы вылезают у вас из дымовой трубы, то вы имеете право купить химикалии на дефицитную валюту за рубежом, но на строго ограниченную сумму. В результате всех этих таинственных законов тараканы ведут себя вызывающе.

07.02.

Стали к причалу в Лас-Пальмасе.

Тошнит от припортовых лавчонок, наглой подхалимности продавцов, отвратительного ширпотреба, предлагаемого нашему брату моряку.

Сподобился получить приглашение на поездку по острову в обществе капитана-наставника. Машину предоставил агент.

Который раз я здесь, и все не могу понять, почему Канарские острова пользуются у туристов такой популярностью.

Пейзажи довольно монотонные. Фруктов мало, и они дороги. Рынок какой-то дырявый и тесный. Кстати говоря, название островов происходит от латинского "канис", что обозначает собаку. Водилась здесь в древние времена масса громадных местных собак. И, таким образом, канареек можно обзывать собаками, если они у вас по ночам будут чирикать.

Пляжи на Канарах великолепные. Но неужели пляжи играют такую большую роль в жизни состоятельного современного европейца?

Итак, покатали с Диомидовым по собачьим островам. Без всякой цели – по воле шофера. Разговор начали с очков. Выяснилось, что и он и я относимся к очкам с грустной ненавистью.

Конечно, никто очки не любит. Но у моряков с возрастом дальность зрения – профессиональная болезнь. А смотреть надо то вдаль, то под самый нос – в карту или экран радара. И вот если у вас лоб широкий, то просто горе: очки в прорезь радарного тубуса не лезут. У кого лоб узкий – тому полегче. У Диомидова лоб здоровенный и глаза сидят широко. К тому же он из тех мужчин, которые к своему организму относятся внимательно и значительную часть

жизни заняты охраной организма от наскоков внешней среды. И еще он старается свой охранительный образ существования внушить, привить, сообщить всем окружающим: "Почему вы мажете хлеб горчицей? Много горчицы – вредно для желудка!" Или: "Перчатки обязательно надо иметь по руке, вязать на заказ. Лучше из белой шерсти. Чтобы сразу видно было, когда запачкаются". Короче говоря, из тех мужчин, от которых вечно пахнет хорошим мужским одеколоном, даже если они не брились уже неделю. Физиономия холеная, моложавая. Выражение физиономии чаще всего брезгливое. Но есть у Диомидова одно словечко, которое как-то так иногда переводит его в какую-то иную плоскость, сферу или область. Словечко это – "мультипликация". Например, объясняет мне, что надевать темные очки, сидя в автомобиле, все приличные люди Гонконга считают вредным для глаз, потому что тогда человек смотрит на мир уже через два стекла – автомобильное и очковое. Я послушно соглашаюсь с такими доводами и очки снимаю. Он говорит:

– А если перчатки не по руке связаны, то это уже не перчатки, а мультипликация. И вообще, то, что у нас судоводители уходят на пенсию только после шестидесяти лет, это не закон, а какая-то нелепая мультипликация!..

Завез нас шофер на самую вершину острова Гран-Канария.

Там, естественно, расположен ресторан, который, естественно, нас не заинтересовал, но из машины мы вылезли.

Вокруг ресторана цвели какие-то кусты.

Я не утерпел и один-единственный цветочек уворовал. Наставник тоже не утерпел и буркнул, что за порчу окружающей флоры и фауны можно налететь на хороший штраф. Я объяснил, что с детства интересуюсь ботаникой и собираю гербарий.

Мы стояли у парапета над обрывом. Вокруг была земля до самого горизонта, но сам горизонт уже был океаном. Или смесью воздуха и океана. В эту смесь следует добавить добрую порцию нежаркого солнца.

Наставник ткнул пальцем в голубую марь к западу от острова Гран-Канария и сказал, что первый раз его пронесло мимо этих мест зимой сорок первого.

Зима сорок первого?.. Немцы под Москвой, и Ленинград в кольце...

Я прикинул, сколько могло быть тогда лет Диомидову. Получалось – около двадцати. Что мог здесь делать двадцатилетний парень в сорок первом? Я, например, тогда торчал в бомбоубежище под зданием управления Октябрьской железной дороги на площади Островского.

Потому спросил:

– Каким образом?

– На легендарном ледоколе "Анастас Микоян".

Я опять задумался. Что здесь, чуть-чуть не в тропиках, осенью сорок первого делал ледокол? И почему он легендарный?

С "Микояном" судьба сводила дважды – в пятьдесят третьем и пятьдесят пятом годах. Оба раза в Восточном секторе Арктики: в районе острова Айон и в проливе Лонга. И потому у меня перед глазами сразу возник из голубого кольца атлантического марева низкий, приплюснутый корпус, две высокие трубы и густой дым из них. А в ушах прозвучало:

"Ожидается усиление нордового ветра до пяти баллов. Ожидается подход ледокола "Анастас Микоян". Суда каравана будут выводиться из ледовой перемычки поотрядно. Выводку будем производить, несмотря на темное время. В случае тяжелых аварий экипажам малых рыболовных сейнеров выходить на лед..."

И вот только нынче сподобился узнать, что ледокол-то совершил легендарный фортель. В самый страшный момент войны прорвался, один, без всякого оружия на борту, с Черного моря через Босфор, через Средиземное море (в Эгейском его атаквали немецкие торпедные катера и торпедоносцы), через Атлантику, где кишмя кишели немецкие рейдеры, вокруг Африки на Камчатку, чтобы затем протащить сквозь Арктику на запад отряд кораблей Тихоокеанского

флота: лидер эскадренных миноносцев "Баку", эсминцы "Разумный" и "Разъяренный". Эти корабли вошли в состав Северного флота и работали на прикрытие союзных конвоев.

Командовал потенциальным "Варягом" – приказ взорвать и затопить судно в случае безвыходной ситуации, естественно, имелся – капитан второго ранга Сергеев. Об этом человеке можно и должно написать суперприключенческий роман: бойцом морского отряда участвует в разгроме Колчака, командиром минного заградителя "Сильный" участвует в высадке десанта во время конфликта с белокитайцами на КВЖД; почетное оружие, полученное из рук Блюхера; командование флотилией испанских эсминцев под именем дона Корнели Гуардия Лопес в тридцать седьмом и фантастический по дерзости, хитрости и удачливости рейс "Микояна"...

Одним из матросиков на ледоколе тогда был Диомидов.

Вот какие сказки слышали цветочки на самой вершине острова Гран-Канария. Только все это не сказки, а быль. Из были же, как указывает мудрый Даль, слова не выкинешь.

Удивительно море перекрещивает судьбы людей, кораблей. К таким перекрещиваниям не привыкнуть.

На эскадренном миноносце "Разъяренный" мы мичманами проходили стажировку лет тридцать назад. А теперь вот я стоял рядом с человеком, который в разгар мировой войны обогнул планету, чтобы "Разъяренный" оказался в составе Северного флота. И никаких следов былых трудов и былой отчаянности на холеной физиономии!

Я сказал Диомидову, что работал с "Микояном" и стажировался на "Разъяренном" в Ваенге, объелся там зеленой брусникой и угодил с боевого корабля в госпиталь с дизентерией.

– Да. Сплошная мультипликация, – сказал Диомидов.

– Да, – согласился я. – Если смонтировать рядом все, на чем приходится плавать за жизнь, то получится чистая мультипликация...

– Судно знаете, знакомы? – поинтересовался наставник. – Наше?

– Я плавал на однотипном, "Вацлаве Воровском": три рейса на Джорджес-банку из Мурманска и один в Арктику. А с этим судном знаком, если можно считать знакомством то, что лет десять назад в Дакаре выменял у них мешок манной крупы на гречу и карты побережья Бразилии за копировальную бумагу, – доложил я.

– Как же это они без карт Бразилии оказались? Куда третий помощник смотрел? За такую мультипликацию ему... А гречу обязательно надо в глиняном горшке парить.

Мы покатили обратно на пароход сквозь банановые плантации.

По дороге наставник пытался напеть кочегарскую песенку времен угольного флота (покочегарить Диомидову тоже довелось):

Граждане, послушайте меня!
Кочегаром это буду я!
Две шуровки, две шнуровки,
Шкары и кусок бечевки -
Вот вся амуниция моя.
Ремесло я выбрал – не горюю!
С корешком на пару я шурую,
Топки чистим, шлак вираем
И лопатами втыкаем...

Дальше у Диомидова дело не шло – конец песенки он безнадежно забыл.

А я вдруг вспомнил, что командир "Разъяренного" каждому прибывающему для начала службы мичману говорил: "Мичман, запомните! Я начну с того, что лишу вас иллюзий!" При этом он иногда вставлял в "иллюзию" и три, и четыре, и даже пять "л".

Звучало впечатляюще.

Вечером снялись на Монтевидео.

Бассейн переполнен. Там плюхаются полярники и экипаж – каждые в свое время. Потом жарятся на солнце – экипаж отдельно, полярники отдельно.

Масса мужской и женской плоти с обгоревшими носами.

Я задумался над обнаженной натурой, имея в виду ответить на один из сложнейших вопросов века: почему мужчины умирают значительно раньше подруг?

Когда женщины не курили, не пили, не летали в космос и не таскали шпалы, этот феномен объяснялся довольно просто. А нынче?

Так вот.

Во все прошлые века среднестатистический мужчина испытывал соблазн блуда в тысячи раз меньше, нежели сегодня, когда каждую минуту тебе показывают молодое женское – или в бассейне, или по ТВ, или в кино и журнале. И мужчине ничего не остается, как только сравнивать и сравнивать это молодое женское со старой женой.

Вот и живите до восьмидесяти лет!

Это какие же надо нервы иметь? И при этом еще надо учитывать, что у каждого самого замухристого мужичонки нервы абсолютно уникальные.

Жены в сути своей одинаковы. Только у каждой свой гарнир. Мужья в сути своей все разные, а гарнир у них одинаковый, однообразный.

Старпом сегодня:

– Люблю определяться по небесным телам, потому что секстан происходит от слова "секс", а каждое небесное тело напоминает женское.

Со старпомом и вторым помощником установились веселые отношения.

Витя Мышкеев полон цинизма и юмора. Игорь ему подражает и в него влюблен.

Витя обладает мгновенной импровизационной способностью пристегивать к высказываниям собеседника неожиданный и смешной хвостик, этакий прицеп словоблудия.

Сыграли пожарную тревогу. Условно горит ресторан "Атлантика". Аварийная партия топчется в коридоре. Я говорю: "Вперед, ребята!" Витя добавляет во всю мощь иерихонской глотки: "На винные погреба!" Звучит очень баррикадно-воодушевляюще. А так как я смешлив, то несолидно прыскаю. Когда я в обществе этих молодых ребят, то забываю о возрасте и своем положении и играю в их игрушки, что выглядит, надо думать, достаточно глупо. И вызывает поэтому у Юрия Ивановича холодный прищур в мою сторону.

Образцы высказываний старшего помощника:

– Идет, гудет зеленый змей! – говорит Витя Мышкеев, вытаскивая из-за пазухи бутылку нарзана.

– Когда я уронил на профессора крышку гроба, покойник вздрогнул и перекосялся, – заканчивает Витя новеллу о знаменитом ученом, авторе мореходных таблиц, в похоронах которого, еще будучи курсантом, он принимал участие...

– Ты за что здесь сумасшедшие деньги получаешь? – спрашивает старший помощник капитана молоденького матросика, который забыл вытряхнуть пепельницу в ходовой рубке перед сдачей вахты...

Старпом и второй – широко начитанные мужчины, со своими независимыми и резкими литературными суждениями, пристрастиями, вкусами. И тот и другой полагают роман Конрада "Лорд Джим" одной из самых перехваленных книг мира. Это мне лампадным маслом по душе, ибо я давно удивляюсь мировой популярности "Лорда". Каких только психологических ошибок, неточностей, чуши там не нагорожено! И даже никак невозможно винить за это переводчика...

Штурмана поинтересовались мнением о книгах Санина. Начал читать "Новичок в Антарктиде".

Пока лавры Санина дают спать вполне спокойно.

Иронический, юмористический рассказ, вероятно, надо сочинять с таким мгновенным наитием, удовольствием, озорством, с каким пишешь записочку другу-литератору, которого не застал дома...

08–09.02.

Штиль. Встает притуманенное солнце. В ультрамарине вод спят огромные черепахи. Они рыжие. И впечатление как от осенней листвы на фоне осенне-синего неба в сквере у Никольского собора. Некоторые черепахи не просыпаются, даже когда проходим метрах в пятидесяти, – вот разгильдяйки!

Спокойное внешне плавание, но без внутреннего ощущения спокойной дороги.

По двадцать раз в сутки из палубной трансляции гремит Алла Пугачева. Мозоли уже в ушах. Как мы умеем все и вся заездить!

12.02.

Коротал рассвет с Мышкеевым.

Звезды он не взял: не было горизонта, дымка. Солнце стартовало кровожадное. Боже, какие краски швыряешь ты на ветер при тропических закатах и восходах! А видят их лишь летающие рыбки да акулы.

Одну акулу-молот, громадную, мы засекли. Она заложила вираж возле самого борта.

Траверз островов Сан-Паулу. По счислению мы проходим их в сорока пяти милях к осту. Я отвосхищался восходом, в бесчисленный раз подумал о бессилии живописи перед лицом божественных пиршеств природы и сел на диванчик в штурманской читать английскую лоцию Антарктиды.

Интересные лоции у англичан.

Не скупятся на страницы по морской истории, дают информацию по флоре и фауне, фото птиц, рисунки зверюг. Приложены франко-английский, норвежско-английский, русско-английский словарики. О нашем прекрасном и могучем языке сделано предупреждение (в буквальном переводе): "Сумасшедше, безумно трудный по произношению и количеству непредсказуемых исключений". Изображены три русских алфавита в таком виде, в каком они представляются из дали туманного Альбиона: нечто вроде славянской вязи, кириллица и вовсе неизвестные мне буквы. Разве от такой лоции сразу оторвешься?

Около половины шестого возник капитан. Он возник в ходовой рубке с крыла мостика.

Есть две модели явления капитана вахтенному помощнику. Через штурманскую: так, чтобы вахтенный заранее слышал о начале явления. И явления с крыла – с полной неожиданностью, этаким привидением, бесшумным и, как любое привидение, несколько зловещим.

Неужели Юра докатился до второго варианта? А может, просто не спалось, гулял по пустыне палуб, окунулся в бассейн, поплевал в бурун кильватерного следа и для обыкновенного удобства поднялся на мост наружными трапами?

Мне пришлось достаточно командовать, но так и не смог приучить себя не испытывать неловкости, если при моем появлении вахтенный судорожно прячет какие-нибудь документы – вечную служебную писанину, которую он строчил, используя отличную видимость и безопасность океанских просторов вокруг судна.

Итак, Юрий Иванович возник с крыла и потому не мог знать, что я сижу в штурманской и слышу каждое слово.

– Пробовали взять Паулу радаром? – спросил капитан старпома.

Радар мы с Мышкеевым и вообще не включали. Сан-Паулу – это пять островков и несколько осыхающих скал. Самый высокий островок возвышается над океаном на двадцать метров. Визуально он открывается при нормальной видимости с восьми миль. А двухсотметровая изобата проходит от Сан-Паулу в одном-двух кабельтовых – то есть, даже если тебя пронесет возле островов впритык, под килем будут не знаменитые три фута, а два Исаакиевских собора воды.

– Простите, сейчас попробую! – сказал Мышкеев. И в его голосе еле уловимо, но все-таки проскользнула нотка, которая разрешается только матерому уже старшему помощнику капитана; в этой нотке содержится приблизительно следующее: конечно, вы капитан, и когда я стану капитаном, то буду вести себя так же сверхосторожно и буду заставлять штурманов искать радаром двадцатиметровый островок за сорок пять миль, что является фантастикой, ибо вы сами восемь часов назад определялись по пяти звездам, и никуда нас в штилевом океане за это время унести не могло, и так далее – в одной этой еле заметной нотке столько всякого, что надо еще десять страниц исписать.

– С тараканами никто не чешется, – продолжал капитан. И в его голосе еле уловимо прозвучали интонации молодого Юрки. – Будем разговаривать языком пистолета.

– С тараканами? – спросил Витя Мышкеев. Очевидно, он включил радар на прогрев. Теперь две минуты ему нечего было делать, кроме как подыгрывать капитану в ироничности.

– Пишите приказ, Виктор Робертович. Создать особую диверсионную группу по борьбе с тараканами. Долой обезличку. Ответственный за проведение карательной операции...

– Витя Мышкеев, – сказал старпом.

– ...судовой врач Еременко. У него уже пролежни на спине.

– А кто же Витя Мышкеев?

– Вы осуществляете надзор и контроль, так сказать. Виктор Викторович на смену вахт приходил?

– Он в штурманской.

Я поставил лоцию Антарктиды на место и вышел в рулевую рубку.

Юра был в шортах и ослепительной рубашке, уже крепко загоревший, свежий. Сдержанно, но улыбнулся:

– Как ваши дела, старина? Пойдемте искупнемся?

– Сопроводить могу, купаться не буду. Уже сыпь и зуд. Не сполоснулся вчера пресной водой.

– Почему не пробовали шупать Паулу?

– Далековато, Юрий Иванович.

– Ладно. Плывайте тут без меня.

Он ушел. Осталось ясное сознание того, что если я когда попадал в дурацкие ситуации, то все эти ситуации по сравнению с нынешней – игрушки, детский лепет.

Двадцатого мая семьдесят пятого года в Северном море, в самой его середине, на теплоходе "Фоминск", следуя на Лондон от Скагена, в двадцать три часа по московскому времени я глядел на закатные небеса в штурманский бинокль из окна капитанской каюты и критиковал Юру Ямкина за потерю им интереса к смотрению на небеса.

Основной же темой разговора был зеленый луч, который вспыхивает на закате и приносит увидевшим его счастье. Никто из нас такого луча не видел, и потому мы подозревали, что его и вовсе не бывает и все это обычные морские легенды. И вот, когда над горизонтом оставался крохотный сегментик исчезающего светила, кроваво-красный легкий сегментик, он мгновенно превратился из кроваво-красного в нежно-зеленый, прозрачно-салатный, а еще через мгновение – в пронзительно мерцающую зеленым точку.

В следующее мгновение горизонт был пуст.

Итак, луча мы не видели, его не было, но все остальное – было. И было именно в момент разговора о том, что зеленый луч приносит счастье. Когда промигнули эти несколько зеленых мгновений, мы не сразу смогли опомниться и только глядели друг на друга, спрашивая глазами: "Ты видел?"

Нас не так, может быть, и ошеломил бы самый зеленый луч, но то, что мы только что говорили о нем...

И в поисках объяснения я вспомнил, как испортилась моя гордость – электробритва "Филиппс", очень дорогая, проработала лет пятнадцать, и я ее уже называл Вечным Жидом – ни единого шороха за пятнадцать лет! И вот утром бреюсь – вполне автоматически бреюсь, без мыслей и образов на тему бритья. И вдруг мысль: "Да, действительно, поговорка: "Покупать дешевые вещи по карману только богатым людям" – удивительно верна! С какой кровью и мясом вырвал я из души шестьсот новых французских франков! Но вот и пятнадцать лет забот не знаю!.."

Через двадцать-тридцать секунд бритва начала царапать кожу – "Филиппс" сломался: в одном из неподвижных ножей треснуло мини-лезвие.

Это значит, что моя мысль, кажущаяся предсказательно-телепатически-телекинической и прочее, на самом деле не опередила событие, а возникла как реакция на уже свершившееся изменение привычных ощущений при бритье.

Так, вероятно, было и в случае с зеленым лучом. Что-то в атмосфере подало сигнал моему мозгу, что возможно появление зеленого, ибо атмосфера была очень чистой, прозрачной, солнце уходило за горизонт бело-желтым, почти не потеряв ослепляющей силы; биноклем я шарил по закатному небу, обходя распухающий диск; западная часть горизонта была отменно четкой, то есть существовали все те условия, при которых атмосфера Земли способна превратиться в призму, разлагающую белый свет на все цвета и поглощающую по дороге к нашему глазу все составляющие, кроме зеленого.

Я высказал эти соображения. Юра отнесся к ним безразлично, сказал, что запасной нож к "Филиппсу" найдется у электромеханика, который рехнулся на электробритвах и собирает их, как некоторые коллекционеры-патриоты собирают самовары. Затем рассказал короткую новеллу:

– Я, стало быть, часто вспоминаю одного матроса, хотя имя его выветрилось из памяти. Он был человеком в зените счастья. Любимая жена, трехлетний мальчишка, только что получил новую квартиру, заканчивал мореходку заочно. Мы сходили короткий недельный рейс из Калининграда на Росток. И вернулись в Калининград. Он отпрашивался днем с работы, чтобы позвонить домой. Звонить там можно с железнодорожного вокзала. Мы стояли близко от вокзала. И я, конечно, отпустил этого счастливец, которому не терпелось узнать о том, как справилась жена с переездом на новую квартиру. Но Ленинград днем был занят, и ему сказали прийти звонить после ноля. Счастливчик прибежал на судно, сразу переделся в робу и работал до конца дня с радостной рабочей яростью. К нолю он пошел опять звонить. И пропал. Утром приехал милиционер и пригласил меня в морг на опознание его трупa. Удостоверение личности милиционер привез с собой. Матроса сбил автобус на совершенно пустынной, ночной калининградской улице после того, как он позвонил домой. Я сообщил в кадры и отправил тело через Торгмортранс в Ленинград на крытой грузовой автомашине. В Луге машина поломалась. Никто не соглашался буксировать ее в Ленинград, хотя шофер совал людям свои собственные деньги. Шоферу была неприятна эта работа. Тем временем в Торгмортрансе напутали и сообщили семье, что это он сам, живой, прибывает такого-то числа и так далее. Правда, мы отправили друга погибшего, нашего боцмана, поездом к его жене, чтобы он ее подготовил. Ну, боцман есть боцман. Он брякнул ей все сразу, и она попала в больницу от потрясения. Недавно я ее встретил. Она работает у нас в АХО. Она с кем-то разговаривала и смеялась. Такова жизнь.

И мы с Юрой после такого разговорчика сошлись на том, что если счастье и бывает на свете, то ровно на столько мгновений, сколько сверкает зеленый луч.

Глава третья

Возле будки информбюро в вестибюле первого класса Мышкеев вывесил впечатляющий плакат: "А ты убил таракана?!" Судовой художник-дизайнер, проведенный через судовую роль столяром, изобразил на плакате таракана со зверской, фашистской рожей.

Хороший парень этот художник-столяр. Он мне рамочки для акварелей делает. И мы с ним об Айвазовском разговариваем. Он утверждает, что если бы я посмотрел музей Айвазовского в Феодосии, то не катил бы на флагмана маринистов бочку. И конечно, мне давно следует там побывать. Вечная российская привычка судить о кинофильме по афишам на заборе. И при этом с полным апломбом судить.

Начальник экспедиции Александр Никитич пригласил на ужин.

Перед ужином была сблизительная сауна.

Единение голых мужчин при повышенной температуре уже стало на судах традицией, даже обрядом, некоторым ритуалом.

Я же с курсантских времен ненавижу баню и любое совместное мытье. Слушать музыку, посещать кладбище, мыться мне следует в одиночку. Но на что не пойдешь ради установления контактов и взаимопонимания! Можно и с голым задом пива попить. Я, кстати, сел на раскаленный полоч, не подложив полотенце, и зад обжег. Еще, слава богу, здесь без веников парятся.

Итак, прием давал начальник новой САЭ, а организацию обеспечивал хозяин теплохода – капитан.

Стол был накрыт с люксовым сервисом.

И на шесть персон, участвующих в приеме, было три молодых, вышколенных в рейсах с иностранцами молодца-официанта: фужеры наливают, тарелки меняют, черные смокинги на них похрустывают.

(На судне восемь поваров – два шестого разряда, пять пятого, один четвертого – и кондитер шестого разряда. Официантов – семнадцать. И это еще сокращенные штаты: накормить двести десять пассажиров и сто тридцать членов экипажа – не фунт изюму съест).

Однако официанты меня стесняли. Не на земле в посольстве сидим. К Южному полюсу плывем – впереди без приключений не обойтись. И в этих приключениях морякам и зимовщикам без доверия, взаимотоварищества, внутренней близости будет хуже кувыраться – это уж точно, потому как интересы экспедиционного судна и экспедиции вечно приходят в противоречие, вызывают напряжение между начальниками экспедиций и капитанами. Если кто думает, что Шмидт с Ворониным не цапались, то это потому только, что в те времена еще не было изобретено понятие "психологическая несовместимость" и говорить про цапание никто не решался: все и вся, мол, на наших судах всегда происходит в монолитной сплоченности.

Мой старинный друг Петр Иванович Ниточкин, несколько кокетничая врожденной парадоксальностью, даже разработал теорию, по которой выходит, что наличие взаимной ненависти между ученым начальником морской экспедиции и капитаном экспедиционного судна – вещь полезная для общего дела. То есть в факте взаимной неприязни двух руководителей Петр Иванович усматривает положительный аспект. И подводит под свою теорию философский фундамент. "В обоюдной ненависти – высшая степень единства противоположностей, – твердит мой друг. – Как только начальник экспедиции и капитан доходят до крайней степени ненависти друг к другу, так Гегель может спать спокойно – толк обязательно будет, Витус! Но есть одна деталь: ненависть должна быть животрепещущей. Застарелая, уже с запашком, тухлая, короче говоря, ненависть никуда не годится, ибо не способна довести противоположности до единства!"

Я с Петей категорически не согласен. И потому наличие официантов во время сблизительной трапезы мне казалось лишним. Но на мою просьбу эвакуировать их Юрий Иванович Ямкин с искренним удивлением спросил:

– Почему это? Чем они вам мешают?

Я говорю:

– Привычки нет. Ведь у нас всего какой-то век назад крепостное право было. Вот во мне рабство до сих пор и гнездится.

– И в чем оно проявляется?

– Сам себе предпочитаю рюмку наливать: сколько сам хочу, а не столько, сколько официант решит. И потом, – добавляю шепотом, – у них же уши есть. А зачем нам на шесть человек еще добавочных шесть ушей?

Юра окаменел скулами:

– У меня секретов нет, Виктор Викторович. И вы здесь можете спокойно говорить что угодно. Прошу.

Я говорю:

– Пожалуйста. Вам не кажется, товарищи руководители, что в капстранах люди сейчас стали демократичнее в поведках – для пользы бизнеса, конечно. Сословно-классово-денежные различия никак не мешают шефу пообедать с кассиршей. Попробуйте представить себе иного нашего директора завода обедающим со счетоводом за одним столом в общей столовой, а?

Здесь опасную тему дипломатично замял начальник экспедиции:

– Я могу представить, потому что в Антарктиде столовые у нас одни на всех.

– Вам повезло, – сказал я. – А вот, Александр Никитич, что, по вашему мнению, порождает друг друга: цинизм – трусость и приспособленчество или приспособленчество и трусость – цинизм?

Начальник экспедиции, плывущий на смену тому, который сейчас корчится от боли на койке в Молодежной после самолетной аварии, мужчина, конечно, весьма бывалый. Он и с Сомовым зимовал, и станцией "Восток" руководил, и в Арктике бог знает сколько лет проработал. Бывалость обязательно подразумевает находчивость. Но одновременно бывалость есть во льдах и океанах синоним умения не торопиться и не торопить события и... умения молчать, ибо даже одно лишнее слово способно опрокинуть огромный айсберг жизненных переплетений и сложностей, нарушить баланс, равновесие коллектива на зимовке, в экспедиции или просто за ужином в кают-компании. (Но это умение молчать и считать слова никак не следует путать с отмалчиванием, то есть цинизмом уклонения от встречи лоб в лоб с событием, а любое слово – событие. Человеческое высказывание иногда оказывается событием побольше и потруднее подвижки льда под лагерем.)

И на мой вопрос о том, что порождает, Александр Никитич ответил так:

– Пожалуй, и трусость, и цинизм, и приспособленчество – одинаковые понятия. И получается – как о первородстве курицы и яйца или яйца и курицы.

Юра меня добил:

– Дурацкий, так сказать, вопрос вы задали, Виктор Викторович. Выеденного яйца не стоит. И закусывайте, пожалуйста.

Они были правы. И они демонстрировали полное единство при обоюдном уважении и, пожалуй, даже взаимосимпатии.

Оставалось закусывать.

И вдруг пришло в голову, что Юра не поет. Кажется, у него и любимой гитары с собой нет. Затруднительно петь при официантах в смокингах "Не верьте пехоте...".

Правильно делает, что не поет, – ерунда в такой ситуации получится. Однако жаль.

Вот случай, когда изменившееся нутро человека изменило и внешность. Раньше смех и улыбка поджигали в его глазах этикие бенгальские огни юмора, достаточно едкой, но не направленной на личности иронии и украшали вообще-то лишенную каких бы то ни было античных красот физиономию. (Одно время он еще страдал фурункулезом.) У Юрия Ивановича Ямкина при улыбке выражение делается неприятным, самурайским. Когда же он находится

в напряженной ситуации, решая, например, идти ли между сближающимися на контркурсах парами, или дать крюк, или отработать задним и удерживаться на месте, – то лицо у Юры славное, простое, сильное, капитанское лицо.

К концу вечера за кофе Юра вдруг спросил, бывал ли я еще у Степана в Палдиски.

Я не был.

Первый и последний раз мы ездили туда на могилу Степана вместе лет семнадцать назад.

Палдиски – за Таллином.

У Юры уже была "Волга".

Осень. Рыжие леса у густо-синего моря. Серые валуны, сложенные в кучи на черных полях, из которых кое-где пробивалась нежная зелень озими. Вербы по колено в холодной воде придорожных канав. Сумасшедший джаз из приемника, пропадающий в космическом шуме, когда машина проносится под линиями высоковольтных передач. Ехали быстро: свободное хорошее шоссе, прекрасная видимость, новая машина.

Проголосовал старик. Не хотелось останавливаться, но взяли его. Попросился на десяток километров – до первой развилки. Рваный старик, злобный. Увидел трактор, борону, женщину, которая сгребала сучья к костру, и забормотал, что на будущий год будет ужасная засуха, еще на следующий – мор и голод, а там начнется война между красными драконами, и мир полетит ко всем чертям. Надоедливо он это нам талдычил. А настроение и так было не очень. Какое уж тут настроение, когда едешь навестить товарища, погибшего до всяких сроков и похороненного далеко от родного дома, как говорится, по не зависящим от него обстоятельствам.

Наконец Юра сказал старику:

– Хватит каркать. Заткнись, а то высажу.

Старик умолк и сдерживался, пока не доехали до развилки. Там вылез, прошипел:

– Еще солнце не сядет, как у вас тут музыка перестанет! И между вас покойничек будет, сыночки! Спасибо за доставку, поезжайте с богом!

Мы послали старика по далеким адресам и принялись обсуждать вопрос ночевки в Таллине.

Километров через тридцать остановил мотоциклист ГАИ. И мы втащили в машину женщину лет сорока, которая на крутом повороте выпала из кузова грузовика. Она была без сознания. Гаишник бросил мотоцикл и сел с нами. Он положил ее голову на колени, я поддерживал ноги. Юра гнал так, как могут только люди, умеющие отсекал страх. Но женщина умерла в машине до больницы.

Джаз мы, естественно, вырубил сразу, а когда выносили труп, солнце еще болталось над серым Финским заливом.

Вечером мы сидели в таллинском ресторанчике и, конечно, надрались, вспоминая старика и решая вопрос, есть все-таки чертовщина на этом свете или нет.

13.02.

Рейс пока течет нормально.

Наставник на мостике почти не появляется. Его больше интересуют порядки в глубинах судна, в шхерах.

Экватор. Пересекаю взад-вперед седьмой раз. И потому не боюсь насилия со стороны чертей из охраны морского царя. Тем более, когда-то Посейдон запросто являлся ко мне на мостик в здешних местах, и мы с ним болтали о всякой ерунде целые ночные вахты.

Помню, много о лошадях разговаривали. Он их покровитель.

Температура забортной воды – плюс тридцать.

В Ленинграде воздух – минус двадцать восемь. Интересно, как ведут себя паровые батареи в моей квартире? При таких низких температурах они обычно дают течь. И черная жижа просачивается сквозь палубное перекрытие к нижним соседям. Именно борьбой с жижей я занимался в нынешнюю новогоднюю ночь.

Лицедейство в честь морского бога вышло скучным.

Единственным ярким моментом серого празднества была процедура штампования голых женских попок печатями Нептуна. Черти действовали самозабвенно и сокрушительно. Наши дамы, терявшие морскую невинность, имели полную возможность навизжаться всласть, когда черти мазутными руками приспускали им купальники и шлепали вырезанными из автопокрышек печатями по сметанно-белым мягким местам.

Сопротивляться бесчинству чертей никому, согласно традиции, не положено. Им покорно подчиняются даже капитаны. Исключение получилось у нас с немцем. Четверо немецких ученых ехали зимовать в Антарктиду на наши станции. И один оказал чертям фаустпатронное сопротивление.

Наши черти были здоровенные парни, но они не ожидали никакого сопротивления, и немец, полностью использовав фактор неожиданности, двух чертей уволок за собой в муть бассейна.

Впечатляюще выглядел Юра, когда отдавал рапорт богу морей. Как чуть устало, но щеголевато держит он руку у козырька фуражки! Какие на нем замечательные тропические ослепительные брюки; как сияет блямба на фуражке; какое невозмутимое выражение на загорелой физиономии; с каким обожанием глядят на своего повелителя хорошенькие девочки из самодеятельности. Втянулся он в роль капитана пассажирского лайнера. А так как человек он во всех областях талантливый, то играет и эту роль отменно.

И мне было завидно глядеть на Юрия Ивановича.

В путевых книгах никуда не денешься без того, чтобы не делать ставку на людскую способность к забывчивости и на традиционно российскую отходчивость в гневе. Но, конечно, всегда думаешь о возможной угадываемости прототипов, опасаясь. И в "Путевых портретах с морским пейзажем" я дал герою морщинистость, некрасивость, замкнутость, малоразговорчивость и сплошную седину. Для камуфляжа. Но вот "самоограничение и воля, узда и цель" — это истинно Юрино.

14.02.

Проходим Сальвадор. До Монтевидео 1995 миль. Позади 5500 миль.

Алла Пугачева своей тонкой музыкальностью и изящной исполнительской манерой продолжает улаживать слух меломанов по двадцать раз в сутки. Вероятно, кто-то из заведующих музыкой пассажирских администраторов в нее влюблен.

Бесконечно горланит трансляция различные объявления: "Участникам экспедиции получить вино в сто двадцать шестой каюте!" Или: "Участники экспедиции приглашаются на ужин в ресторан "Атлантика"! Желаем приятного аппетита!" И так восемь раз в день, ибо кормят пассажиров в две смены.

А вот объявление, по которому можно судить о законе человеческого взаимозабвения: участнику экспедиции такому-то подойти к информбюро для получения радиogramмы!

Первые девять дней объявления о радиogramмах сыплются как из рога изобилия — ощущение разлуки у оставшихся на берегу еще очень остро. Затем следует резкое сокращение числа эмоциональных, но безынформативных радиogramм, хотя они еще поступают.

Теперь перевалили экватор. Идут восемнадцатые сутки разлуки. И берег начинает привывать к отсутствию уплывающих все дальше и дальше на долгие полтора года полярников. И они тоже делаются спокойнее — процесс отчуждения от близких, мозоль на сердце, роговая оболочка на душе... После сорокового дня наступит затишье в радиogramмах с обеих сторон на целые месяцы.

В который раз я наблюдаю этот закон на других и на себе. И каждый раз немного смутно и грустно от относительности всего на свете. Ведь и умерших мы неизменно и обязательно забываем. И для них есть день Девятый и день Сороковой.

Как отчетливо я чувствовал эти дни после смерти матери. Как она удалялась от меня, как дни-пороги отделяли ее тень-душу, растворяющуюся в иррациональном, безначальном и бесконечном. И ее взгляд на меня, остающегося. Взгляд без тоски, сожалений, опасений за меня. И без тревоги за себя.

Надо бы писать обыкновенную семейную хронику. Ведь история любой, самой тривиальной семьи – самое неповторимое и удивительное. Никаких фантазий не надо, никакого сочинительства.

Да и опасаться мне уже некого.

Проходим траверз Святой Елены в доброй тысяче миль с левого берега.

Ученые поговаривают, что англичане помогли отставному императору отправиться на вечный покой при помощи обыкновенного мышинового мышьяка.

Различные вещи в мире названы именем Наполеона. Но если у нас так называлось слоеное пирожное, то англичане так называли орангутанга в лондонском зоопарке, а его супругу – Жозефиной. (Стендаль заметил, что если Наполеон чего-нибудь и боялся в жизни, то только одного – насмешки.)

Именно в Лондоне недавно продали с аукциона дневники Марии-Луизы, в которых она утверждает, что мужчины – невыносимые существа, и заявляет, что никогда бы не вышла замуж вторично, ибо Наполеон обращался с нею, как с гренадером.

Для многих русских женщин кумиром их девичьего воображения был Бонапарт. Для мамы, кажется, тоже. Статуэтки Наполеона я видел во множестве интеллигентных русских квартир. Правда, это было до войны. В войну, наверное, большая часть их превратилась в бронзовые части пушек и кораблей. И Наполеон, таким образом, внес свой вклад в победу над фашистами.

Занятно, что немецкие подхалимы-ученые в 1808 году додумались переименовать созвездие Орион в Наполеон! Бонапарту хватило ума не разрешить им это...

На Святой Елене есть черепаха. Ей двести пятьдесят лет. Отдыхая от ратных трудов, Бонапарт катался на черепахе. Он был в треуголке и сером походном сюртуке.

15.02.

Командирское занятие с чтением документов по аварийности и обсуждением чужих горестей: теплоход "Комсомолец Таджикистана" на переходе в Гавану следовал через Атлантику без проводки – рекомендаций гидрометеоцентра, залез в центр циклона, результат – четыре контейнера на палубе всмятку плюс к ним изуродовано двадцать метров фальшборта и закручена в штопор пожарная магистраль... "Лигово" в зимней Балтике: не ушли в укрытие после штормпредупреждения, обледенели, крен 30°, с трудом спустили за борт караван леса с двух трюмов.

Затем говорил Юра. О наших делах и болячках. Судно он знает великолепно – от наружной заклепки до кладово-посудно-бельевых катакомб. Говорил со злостью. Идем работать в Антарктиду, а судну вообще не рекомендуется толкаться во льдах, барахлит лаг, "дышит" брашпиль – когда стоишь рядом с ним в момент отдачи якоря, кажется, прыгаешь на пружинном матрасе, нет обогрева лобовых стекол в ходовой рубке... Ну и т. д.

Было бы чистой демагогией спрашивать у капитана, почему он вышел в море с такими болячками. Все всем ясно. С героями полярниками можно и в ванне через океан плавать. Но вот после возвращения из Антарктики судну предстоят престижные круизы с туристами. И надо успеть перед ними проверить ремонт и отдохнуть, а для этого надо рвать из Антарктиды в минимальные сроки, иначе опоздаем к плановым срокам ремонта и выбьемся из докового графика... Ну и т. д.

16.02.

Конспект грустного рассказа. Напишу когда-нибудь, быть может, раз уж услышал.

Женщина-посудомойка. Все время в низах. И проворонила в Антарктиде пингвинов – не видела ни одного. Горюет по этому поводу. Один трепливый тип говорит, что везет в рефрижераторной камере пингвиниху с пингвином. И покажет зверей ей, но только на подходе к дому, потому что пингвинов из холодильника раньше выпускать нельзя – они не прошли акклиматизацию. Она верит, носит для пингвинов деликатесы, которые тип, естественно, заглатывает сам. Экипаж включается в розыгрыш. Женщина-посудомойка неразвитая, серая, но уже любит пингвинов, которые едут в холодильнике. Наконец тип говорит, что нынче покажет птиц, но требует политра. Достать бутылку в конце рейса посудомойке – фантастика, но она достает. Ее ведут к рефрижератору, открывают камеру – там фотография пингвинов. Хохот и восторг толпы. У нее шок, хотела выброситься за борт. Тип испугался, отдал ей яйцо пингвина. Она повесила яйцо возле зеркала в каюте и успокоилась. Называется рассказ: "Одна надежда – яйцо пингвина".

19.02.

Монтевидео. Ошвартовались к тому же причалу, что и десять лет назад на "Невеле".

И нынче перед моей каютой ворота номер семь – все на круги своя. Только на причале нет собак. И со мной нет судового пса Пижона, которому здесь дали прикурить местные псины прямо на причале. Правда, он отомстил им очень коварно: соблазнил симпатичную уругвайскую сучку на радость всему экипажу.

К рецензии на книгу Сомова.

Даже очень плохие писатели писали о собаках хорошо. Так уж эти существа устроены – имею в виду собак.

Сомов категорически отказывался признавать себя писателем. Один только раз в его книге есть определение "повесть", что означает косвенное признание в том, что автор предлагает читателю нечто беллетристическое.

"Р о п а к. Повесть о дружбе". Повесть художественная, но и полностью документальна.

Сюжет избит: полярник на зимовке привязался к щенку, вырастил могучего, деликатного, скромного, мудрого, вежливого, душевно чистого, отважного пса, привез в Ленинград, убедился в том, что свободный пес жить в квартире не может, и отправил обратно на Север. И больше уже не встретил.

В повести много смешного, а ее конец надрывает душу читателя грустью:

"Человека может привязать к себе не только теплая земля, но и холодная льдина. Человек может тосковать не только о себе подобных, но и о четвероногом друге. Так уж устроено человеческое сердце..."

Так уж устроены бывалые люди, что не боятся сентиментальных слов.

Когда читаешь Сомова и о нем, все время кажется, что душевная тонкость и чистота обязательно должны были привести его к какой-то тяжелой жизненной ошибке. Не по служебной, не по должностной, не по нравственной линии, а к ошибке сердца.

Консул повозил по городу и в эвкалиптовую рощу, где я наломал веник для каютного уюта. Повидали памятник морякам, погибшим в море. Абстрактное сооружение, но впечатляет: человеческий труп отталкивает от себя гребень волны костлявыми руками...

Комсостав приобретал дубленки по четыреста пять песо. Стадное чувство заставило и меня сделать то же.

Знатоки утверждают: если хочешь иметь шикарную дубленку (для своего собственного употребления), то надо проделать следующую манипуляцию. Купить в Монтевидео три дешевые, тощие дубленки и продать их дома, в комиссионке. И там же достать люксовую дубленку за тысячу рублей. Такая манипуляция даст еще некоторую прибыль. Какую именно прибыль, я точно не могу сказать, так как это строгие морские тайны и за их разглашение мне могут надрать уши посильнее, нежели за угадываемость прототипов в книгах.

За товаром ходили пешком.

Набрал на припортовом пустыре букетик для натюрморта, скромненький – на уровне репейников, пушицы и куриной слепоты, – осень здесь. Рио-де-ла-Плата коричнево-рыжая. Никто не купается.

Вернувшись на судно, хотел порисовать, но младший пассажирский администратор принес приглашение. Оно было выполнено на английском и русском языках, заключено в шикарную оболочку с изображением компасных картушек, рюмок, фужеров, морских часов и пивных кружек. Текст гласил:

"Капитан приглашает Вас 20 февраля принять участие в дружеском ужине, который состоится в ресторане "Атлантика" в 19.30. Меню: масло сливочное, краб-коктейль. Рыбное ассорти: семга, икра зернистая, креветки. Мясное ассорти: ветчина, телятина, колбаса т/к, хрен, овощи свежие. Вторые горячие блюда: рыба "орли", соус тартар, стейк с луком, картофель фри, овощи свежие. Десерт: яблоки, запеченные по-американски, фрукты. Напитки: вина столовые – белое и красное, вода минеральная. Горячие напитки: кофе, чай. Приятного аппетита!"

От "Приятного аппетита!" меня затошнило. Так же, впрочем, как и от "яблока по-американски" и "краб-коктейля", ибо, хотя я и знать не знаю, что это на самом деле такое, одно знаю точно: в переводе на русский это – "пыль в глаза" или "тень на плетень".

Господи, ну зачем мы, "так сказать", лезем в эти калашные ряды! Ведь "стейк с луком" будет просто железякоподобным бифштексом, а все остальное будет представлено на столе в символических натюрмортах, предназначенных для лилипутских картинных галерей... Вероятно, Юрий Иванович Ямкин просто решил устроить себе некоторую стажировку перед житием за границей. Что ж, уверенность и решительность в обращении с высокими гостями, прибывающими на стоянках на борт пассажирского лайнера, чтобы тяпнуть ледяной водки в интиме салон-бара, вырабатываются не сразу. Нужен тренаж. Но почему он пригласил меня, если прием давался в честь нашего местного представителя?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.